

УДК 81'28

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ЯЗЫКОВАЯ»
И «НАУЧНАЯ» КАРТИНЫ МИРА

О.И. ЛЮБЕЦКАЯ

(Полоцкий государственный университет)

Рассмотрена история возникновения и развития идеи «языковой картины мира». Анализируются различные подходы в отечественной и зарубежной лингвистике к определению и описанию «языковой картины мира». До настоящего времени не существует единого мнения о том, как следует трактовать это понятие. Языковая «наивная» картина мира зачастую противопоставляется научной картине мира. В статье представлены основные характеристики «научной картины мира». Описаны фундаментальные различия между языковой и научной картинами мира, что позволяет сделать вывод о нетождественности этих двух понятий, которые представляют собой отличные друг от друга конструкции, отражающие реальный материальный мир. Научная картина мира играет роль объективной картины мира, тогда как языковая картина всегда субъективна. Они взаимосвязаны между собой, но существуют параллельно и не стремятся соответствовать друг другу.

Введение. Понятие «картина мира» используется весьма активно представителями самых разных наук: философии, психологии, культурологи, гносеологии, когнитивистики, лингвистики. Конкретизируясь дополнительными определениями – «научная», «общенаучная», «частнонаучная», «естественнонаучная», «историческая», «физическая», «биологическая», «языковая», понятие «картина мира» входит в обиход еще большего числа областей научного знания. Тем не менее, прочно войдя в разряд «рабочих» понятий многих наук, оно, до известной степени, по-прежнему остается метафорой, не всегда получает достаточно четкое и однозначное толкование даже в среде специалистов одного профиля.

«Языковая картина мира» (ЯКМ) становится в последние годы одной из наиболее «модных» тем отечественного языкознания. И в то же время, как это часто бывает с получившими широкое распространение обозначениями, до сих пор не существует достаточно четкого представления, какой именно смысл вкладывается в это понятие пишущими и как, собственно, следовало бы истолковывать его читающим.

В лингвистической литературе статус понятия «научная картина мира» (НКМ), как правило, не дискутируется. Рассуждения о том, что следует понимать под термином «картина мира», относятся целиком к ЯКМ национального языка. И зачастую не делается даже попыток отделить научную картину мира от представления мира ненаучным сознанием, либо наоборот, некоторые ученые стараются привести ЯКМ в соответствие с НКМ.

Основная часть. Применительно к лингвистике картина мира (КМ) в любом случае должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания с помощью языка. Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и, что для нас особенно важно, функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире. Такое универсальное, глобальное значение – результат работы коллективного сознания – зафиксировано в языке, прежде всего в его лексическом и фразеологическом составе. Но существуют разные виды человеческого сознания: индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное быденное сознание нации, научное сознание. Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания [1, с. 4].

Таким образом, следует говорить о множественности языковых картин мира: о научной языковой картине мира, о языковой картине мира определенного языка, о языковой картине мира отдельного человека.

Можно, конечно, утверждать, что понятие языковая картина мира относится к числу тех «широких» понятий, обоснование применения которых не является обязательным, а, точнее, является само собой разумеющимся. Ведь немного найдется исследователей, начинающих свою работу определением понимания термина «язык», хотя вполне понятно, что употреблять слово «язык» по ходу изложения им придется неоднократно. Более того, если их спросить, что такое язык, многие не сразу смогут на данный вопрос ответить. Причем качество конкретной работы совершенно необязательно будет напрямую связано со способностью ее автора истолковывать смысл употребляемых понятий.

Некоторое равнодушие и, возможно, хладнокровие лингвистов к этой стороне вопроса имеет свое рациональное объяснение. Одно из них сводится к следующему. Выражение «языковая картина мира» по сути своей до сего дня не терминологично, оно употребляется как пусть и удачная, но все же метафора, а давать определения метафорическому выражению – дело неблагодарное. В той же области, где слово «картина» употребляется терминологически (а именно в искусствоведении), отношение к нему, конечно,

совсем иное, и баталии вокруг его понятийного содержания могут быть не менее жаркими, чем вокруг содержания термина «слово» в языкознании.

И все же сам факт обостренного интереса языковедов к проблемам, так или иначе связываемым с картиной мира, свидетельствует о том, что этим выражением обозначается нечто, относящееся к основам, определяющее сущность языка, а точнее, воспринимаемое как определяющее его сущностное предназначение «сейчас», т.е. сущностную роль языка на современном этапе развития науки о языке.

Вильгельм фон Гумбольдт был одним из первых лингвистов, кто обратил внимание на национальное содержание языка и мышления, отмечая, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [2, с. 324]. Каждый человек имеет субъективный образ некоего предмета, который не совпадает полностью с образом того же предмета у другого человека. Объективироваться это представление может «только благодаря языку, не отрываясь в то же время от субъекта» [2, с. 77]. Слово, таким образом, несет на себе груз субъективных представлений, различия которых находятся в определенных рамках, так как их носители являются членами одного и того же языкового коллектива, обладают определенным национальным характером и сознанием. По В. фон Гумбольдту, именно язык оказывает влияние на формирование системы понятий и системы ценностей. Эти его функции, а также способы образования понятий с помощью языка считаются общими для всех языков. В основе различий лежит своеобразие духовного облика народов – носителей языков, но главное несходство языков между собой состоит в форме самого языка, в способах выражения мыслей и чувств [2, с. 71].

Вильгельм фон Гумбольдт рассматривает язык как своеобразный «промежуточный мир» между мышлением и действительностью, при этом язык фиксирует особое национальное мировоззрение: «Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне» [2, с. 80]. Язык определяет восприятие действительности человеком. Картина мира – это подвижная, динамичная сущность, так как образуется она из языковых вмешательств в действительность.

Таким образом, в формировании обоих понятий огромная роль принадлежит языку: «Язык – орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» [2].

Выражение «языковая картина мира» говорит о том, что могут существовать и другие способы его визуального представления, а в основе всех этих способов лежит сама возможность представления мира как картины. «Представить мир как картину» – что, собственно, это значит? Что в этом выражении есть мир, что есть картина и кто осуществляет представление мира в виде картины? Ответы на все эти вопросы попытался дать Мартин Хайдеггер в своей статье «Время картины мира», опубликованной впервые в 1950 году [3]. Основу этой статьи составил доклад «Обоснование новоевропейской картины мира метафизикой», прочитанный философом еще в 1938 году. Мысли Хайдеггера, высказанные в этом докладе, значительно опередили последующие дискуссии о сущности общенаучной картины мира и несколько не утратили своей значимости и в наше время.

По Хайдеггеру, в выражении «картина мира» мир выступает «как обозначение сущего в целом» [3]. Причем это имя «не ограничено космосом, природой. К миру относится и история. И все-таки даже природа, история и обе они вместе в их подспудном и агрессивном взаимопроникновении не исчерпывают мира. Под этим словом подразумевается и основа мира независимо от того, как мыслится ее отношение к миру» [3].

Картина мира – это не просто изображение мира, не нечто срисованное: «Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [3]. По Хайдеггеру, «Где мир становится картиной, там к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен и что он поэтому соответственно хочет преподнести себе, иметь перед собой и тем самым в решительном смысле представить перед собой» [3], причем представить его во всем, что ему присуще и его составляет, как систему.

Задавая вопрос, каждая ли эпоха истории имеет собственную картину мира, Хайдеггер отвечает на него отрицательно. Картина мира возможна только там и тогда, где и когда бытие сущего «ищут и находят в представленности сущего» [3]. Поскольку такое истолкование сущего невозможно ни для средневековья, ни для античности, постольку и невозможно говорить о средневековой и античной картине мира. Превращение мира в картину – это отличительная черта Нового времени, новоевропейского взгляда на мир. Причем «превращение мира в картину есть тот же самый процесс, что превращение человека внутри сущего в *subiectum*» [3].

Следствием скрещивания этих двух процессов, т.е. превращения мира в картину, а человека в субъект, является характерное для Нового времени превращение науки о мире в науку о человеке, т.е. в антропологию, понимаемую как такое философское истолкование человека, «когда сущее в целом интерпретируется и оценивается от человека и по человеку» [3]. С этим связано и возникновение с конца

XVIII века слова «мировоззрение» как обозначения позиции человека посреди сущего, «когда человек в качестве субъекта поднял собственную жизнь до командного положения всеобщей точки отсчета» [3].

Заслуга Л. Вайсгербера заключается в том, что он ввел в научную терминологическую систему понятие «языковая картина мира». Это понятие определило своеобразие его лингвофилософской концепции наряду с «промежуточным миром» и «энергией» языка.

Основными характеристиками языковой картины мира, которыми её наделяет Л. Вайсгербер, являются следующие [4]:

1) языковая картина мира – это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка;

2) языковая картина мира, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а с другой – причина своеобразного пути их дальнейшего развития;

3) языковая картина мира как единый «живой организм» чётко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности использования артикуляционного аппарата носителей языка, просодические характеристики речи, словарный состав, словообразовательные возможности языка и синтаксис словосочетаний и предложений, а также свой паремиологический багаж. Другими словами, языковая картина мира обуславливает суммарное коммуникативное поведение, понимание внешнего мира природы и внутреннего мира человека и языковую систему;

4) языковая картина мира изменчива во времени, как и любой «живой организм», подвержена развитию, т.е. в вертикальном (диахроническом) смысле она в каждый последующий этап развития отчасти нетождественна сама себе;

5) языковая картина мира создает однородность языковой сущности, способствуя закреплению языкового, а значит и культурного её своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка;

6) языковая картина мира существует в однородном своеобразном самосознании языковой общности и передается последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатлённые средствами языка;

7) картина мира какого-либо языка и есть та преобразующая сила языка, которая формирует представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка;

8) языковая картина мира конкретной языковой общности и есть её общекультурное достояние.

Восприятие мира осуществляется мышлением, но с участием средств родного языка. Способ отражения действительности носит у Л. Вайсгербера идиоэтнический характер и соответствует статичной форме языка. По сути, учёный акцентирует интересубъектную часть мышления индивида: «Нет сомнения в том, что многие укоренившиеся в нас воззрения и способы поведения и отношения оказываются «выученными», т.е. общественно обусловленными, как только мы проследим сферу их проявления по всему миру» [4].

Язык как деятельность рассматривается и в трудах Л. Витгенштейна, посвященных исследованиям в области философии и логики. По мнению этого учёного, мышление имеет речевой характер и является деятельностью со знаками. Он выдвигает следующее положение: жизнь знаку дает его употребление. При этом «значение, которое присуще словам, не является продуктом нашего мышления» [5]. Значение знака есть его применение в соответствии с правилами данного языка и особенностями той или иной деятельности, ситуации, контекста. Поэтому одним из важнейших вопросов для Л. Витгенштейна является соотношение грамматического строя языка, структуры мышления и структуры отображаемой ситуации. Предложение – модель действительности, копирующая её структуру своей логико-синтаксической формой. Следовательно, в какой мере человек владеет языком, в такой степени он знает мир. Языковая единица представляет собой не некое лингвистическое значение, а понятие, поэтому Л. Витгенштейн не разграничивает языковую картину мира и картину мира в целом.

Основательный вклад в разграничение понятий «картина мира» и «языковая картина мира» внесен Э. Сепиром и Б. Уорфом, утверждавшими, что «представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации». В действительности «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [6]. Употребляя сочетание «реальный мир», Э. Сепир имеет в виду «промежуточный мир», включающий язык со всеми его связями с мышлением, психикой, культурой, социальными и профессиональными феноменами. Именно поэтому Э. Сепир утверждает, что «современному лингвисту становится трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом... он не может не разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией и – в более отдаленной перспективе – с физиологией и физикой» [6].

Современные представления о ЯКМ выглядят следующим образом. Согласно Н.И. Сукаленко, язык – факт культуры, составная часть культуры, которую мы наследуем, и одновременно ее орудие. Культура народа вербализуется в языке, именно язык аккумулирует ключевые концепты культуры, транслируя их в знаковом воплощении – словах. Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения [7], т.е. антропоцентризма, который пронизывает весь язык. Данную точку зрения разделяет В.А. Маслова: «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [8].

Под языковой картиной мира Е.С. Яковлева понимает «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» – это своего рода мировидение через призму языка [9, с. 9].

Понятие наивной языковой картины мира, как считает Д.Ю. Апресян, «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [10, с. 39].

Языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир [10].

Языковая картина мира, как отмечает Г.В. Колшанский, базируется на особенностях социального и трудового опыта каждого народа. В конечном счете, эти особенности находят свое выражение в различных лексической и грамматической номинации явлений и процессов, в сочетаемости тех или иных значений, в их этимологии (выбор первоначального признака при номинации и образовании значения слова). В языке «закрепляется все разнообразие творческой познавательной деятельности человека (социальной и индивидуальной)», которая заключается именно в том, что «он в соответствии с необозримым количеством условий, являющихся стимулом в его направленном познании, каждый раз выбирает и закрепляет одно из бесчисленных свойств предметов и явлений и их связей. Именно этот человеческий фактор наглядно просматривается во всех языковых образованиях как в норме, так и в его отклонениях и индивидуальных стилях» [11, с. 33].

Итак, понятие ЯКМ включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» и 2) каждый язык рисует свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Реконструкция ЯКМ составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики.

Исследование ЯКМ ведется в двух направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному». С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка (лингвоспецифичные) концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры (в том смысле, что дают «ключ» к ее пониманию) и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки – переводной эквивалент либо вообще отсутствует, либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными.

В лингвистической литературе статус понятия «научная картина мира» (НКМ), как правило, не дискутируется. Рассуждения о том, что следует понимать под термином «картина мира», относятся целиком к ЯКМ национального языка. Относительно статуса НКМ спорить как будто не о чем. Это очевидная объективная константа в традиционной бинарной оппозиции: НКМ – ЯКМ (отраженные соответственно в языке науки и в литературном национальном языке), где лингвисты целиком поглощены именно второй составляющей. Язык же науки обычно анализируется не в плане выяснения его концептуального статуса, а в плане прикладного описания отдельных терминологий. Это вполне понятно и объяснимо. Однако для полноты представления о статусе анализируемого нами понятия представляется не лишним обратиться к тому, как НКМ интерпретируют в смежных науках. Наибольшее внимание статусу НКМ уделяют в философии.

Интерес к пониманию статуса научного знания, к оформлению этого знания в некую всеобъемлющую структуру проявляли многие выдающиеся ученые: А. Эйнштейн, В.И. Вернадский, М. Планк и

другие. В их высказываниях объем понятия НКМ, да и просто «картина мира», очерчивается еще очень неточно, приблизительно. Например, А. Эйнштейн отмечал, что человеку свойственно стремление каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность [1].

В этом определении нет даже попытки отделить научную картину мира от представления мира ненаучным сознанием. Сказано лишь, что человек пытается заменить реальный мир картиной, созданной в себе (т.е. в своем сознании) и тем или иным образом оформленной, материализованной в научной теории, классификации, в произведении искусства. Подобные толкования находятся на одном из полюсов широчайшего спектра интерпретаций НКМ, а именно: КМ (более общее по отношению к НКМ понятие) трактуется предельно недифференцированно, отмечаются лишь самые общие черты этого понятия. Из определений такого рода следует лишь то, что КМ – это порожденная человеком упрощенная замена реального мира придуманной схемой мира или образом мира.

Уже большую конкретность в определении КМ и НКМ мы находим у М. Планка. Формирование КМ, по его мнению, проходит два этапа: первый этап – чувственное, субъективное, многообразное восприятие мира; второй этап – замена «пестрого субъективного многообразия» объективным законом, порядком, универсальным знанием о мире. Для Планка первоначальная КМ (донаучная) – это непосредственное, чувственное, не для всех народов одинаковое восприятие действительности, а НКМ – это мир точной науки. При таком понимании данных понятий за пределами КМ и НКМ остается все, что связано с человеком и обществом, поскольку социальная сфера не является объектом точных наук. Включение в НКМ всего, что касается общества и человека, позволяет сделать ее универсальной. Именно поэтому, по представлениям философов, в НКМ должна реализовываться мысль В.И. Вернадского о соединении в процессе развития науки отдельных частных явлений в целое: и движение небесных тел, и возникновение и развитие мельчайших организмов, и эволюция человеческих сообществ, и исторические явления, и т.д. – все это дает единую картину Вселенной.

Мартин Хайдеггер [3] излагает следующее понимание отношения человека и КМ:

- человек изображает мир как картину;
- человек понимает мир как картину;
- мир превращается в картину;
- человек покоряет мир как картину.

Хайдеггер делает очень важный вывод: человек изображает, составляет для себя картину мира, и с этого момента начинается его деятельность как субъекта исторического процесса. Для него понятие КМ неразрывно связано с человеком как субъектом познания и изменения мира. Хайдеггер пишет: «Чем шире и радикальнее человек распоряжается покоренным миром, чем объективнее становится, тем неукротимее наблюдение мира, и наука о мире превращается в науку о человеке, в антропологию» [3].

Если синтезировать все имеющиеся понимания НКМ, получится предельно широкая трактовка. При такой трактовке в НКМ включается не только вся система научного знания, но и собственно весь познавательный процесс в системе того или иного миропонимания, мировоззрения. Представляется возможным вообще говорить не об объеме этого понятия, а о его многозначности. В этом случае исследователь с полным правом может пользоваться термином НКМ в любом из его значений (естественно, предварительно эксплицировав это значение).

Некоторые исследователи понятие НКМ разделяют на два более частных понятия: «общенаучная картина мира» (ОНКМ) и «частнонаучная картина мира» (ЧНКМ). По этому поводу Л.В. Яценко пишет, что ОНКМ и ЧНКМ – это «различные, хотя и родственные кое в чем структуры, выполняющие различные нормативные миссии. Первая структура – это компонент мировоззрения... Структуры второго типа – это системы главных принципов и фундаментальных понятий каждой отрасли знания или их разделов, занимающие промежуточное положение между КМ эпохи и специальной дисциплиной на определенном уровне ее развития» [12, с. 38 – 39].

Анализируя существующие подходы к НКМ, П.С. Дышлевый и Л.В. Яценко отмечают, что преобладают две точки зрения на НКМ – «сциентистская» и «натурфилософская» [13]. Первая из них предполагает, что НКМ вырабатывается частными науками и представляет собой научный слой знания о мире, вторая же предполагает наличие у НКМ особого характера целостности, тяготение к панорамному охвату реальности, что, естественно, приближает ее к мировоззрению.

Нам ближе именно «сциентистское» понимание термина НКМ. В дальнейшем Научной Картиной Мира (НКМ) мы будем именовать именно «всю совокупность научных знаний о мире, выработанную всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества» [1, с. 9]. В нашем понима-

нии НКМ – это отражение коллективного знания о мире, который включает и природу, и общество, и человека как общественное существо.

Такое расширенное понимание НКМ, выходящее за рамки естествознания, соответствует понятию «общая научная картина мира». Это понятие имеет иной смысл, нежели упомянутая выше «общенаучная картина мира». Общая научная картина мира выстраивается на основе идеи единства эволюции Вселенной и человека как существа биологического и социального. В отношении включения по отношению к ней находится естественнонаучная картина мира (ЕНКМ), состоящая в свою очередь из ряда частнонаучных картин мира, важнейшими из которых являются четыре: физическая (ФКМ), химическая (ХКМ), биологическая (БКМ), астрономическая (АКМ). Безусловно, ФКМ – самая главная из четырех ЧНКМ, поскольку именно физика является фундаментом современного естествознания.

Научная картина мира постоянно эволюционирует. Первоначально возникнув в результате стремления людей создать в своем сознании и воображении определенную модель природы, она различна на каждом этапе развития человечества, изменяется по мере накопления новых знаний и изменения представления об окружающем мире, т.е. НКМ эволюционирует по мере познания мира. Научную картину мира можно считать парадигмой миропонимания. Смена парадигм означает коренное изменение представлений о мире, т.е. научную революцию. Современная НКМ всего лишь определенная ступень в познании человеком мира и его закономерностей. Постоянное развитие одних картин мира другими, более адекватными Универсуму, – это и есть эволюция НКМ. Наиболее наглядно эволюцию НКМ можно проследить на примере ФКМ, занимающей доминирующее положение в естественнонаучной картине мира.

Четко и однозначно фиксируемых радикальных смен научной картины мира, научных революций в истории развития науки можно выделить три, которые обычно принято персонифицировать по именам трех ученых, сыгравших наибольшую роль в происходивших изменениях.

Один из первых опытов построения научной картины мира принадлежит Аристотелю. Он является создателем формальной логики. Аристотель выполнил задачу систематизации накопленных знаний о мире. Он разработал категориально понятийный аппарат, отделил науку о природе от математики и метафизики. Результатом этой научной революции стало возникновение самой науки и ее отделение от других форм познания и освоения мира, а также создание определенных норм и образцов научного знания.

Вторая научная революция, которая привела к смене существовавшей научной картины мира, связана с именем И. Ньютона и знаменует переход от геоцентрической модели мира к гелиоцентрической. Ньютон подвел итог исследованиям Коперника, Галилея, Кеплера, Декарта и сформулировал базовые принципы новой научной картины мира в общем виде. Результатом стало появление механистической научной картины мира на базе экспериментально-математического естествознания.

На рубеже XIX – XX веков стало возможным говорить о возникновении новой научной картины мира. Открытия Эйнштейна привели к тому, что была подорвана важнейшая предпосылка механистической картины мира – убежденность в том, что с помощью простых сил, действующих между неизменными объектами, можно объяснить все явления природы.

Эволюция ФКМ может быть представлена так: КМ древних – механистическая КМ – электромагнитная КМ – квантово-полевая КМ... Эволюция продолжается.

Научные знания о мире закреплены в языке науки, а точнее – в языках каждой из наук. Ядро же языка любой науки составляет используемая данной наукой терминология, т.е. совокупность обозначений научных понятий и категорий, которыми оперирует данная наука. С определенными допущениями можно утверждать, что НКМ зафиксирована в терминологиях частных наук, изучающих мир или отдельные его составляющие под разными углами зрения.

Исследователь О.А. Корнилов выделяет следующие характеристики НКМ [1, с. 12 – 13]:

1) НКМ постоянно изменяется. Это обусловлено непрерывным развитием науки. Коллективное научное знание о мире постоянно увеличивается, какие-то постулаты пересматриваются, отвергаются, дополняются, корректируются, появляется новое знание. Эти постоянные изменения ведут к появлению новых понятий и к корректировке уже имеющихся. Соответственно, появляются новые термины, традиционные термины наполняются новым содержанием; НКМ находится в постоянной динамике, она все время стремится ко все большей адекватности отражения объективного мира. Прекращение изменения НКМ означало бы конец научного прогресса, достижение коллективным научным сознанием предела познаваемости мира;

2) НКМ всегда останется «меньше» объективного мира в том смысле, что никогда не сможет стать ему тождественной, поскольку это означало бы окончательное познание всего сущего, всего пространственно-временного континуума. Оба эти положения вытекают из общефилософских аксиом о том, что, во-первых, пределов познания не существует, нет ничего непознаваемого, во-вторых, мир никогда не может быть познан до конца, познание бесконечно;

3) НКМ универсальна (едина) для всех языковых сообществ, так как научные знания объективны, они свободны от «языкового субъективизма», не зависят от специфики языка того или иного народа, его менталитета, традиций, нравственных приоритетов, национальной культуры в целом;

4) имея единый для всех народов содержательный инвариант, НКМ получает в каждом национальном языке национальную форму выражения посредством формирования национальных терминологий на родном языке носителей данного языка. Национальное языковое оформление НКМ ни в коей мере не затрагивает содержательную сторону НКМ, а лишь адаптирует универсальное знание к нуждам конкретного языкового сообщества;

5) НКМ существует в «национальной языковой оболочке» только тех народов, которые имеют традицию разработки, получения научного знания, традицию оперирования этим знанием (формы хранения и передачи), т.е. там, где есть соответствующая научная традиция. Если такой традиции нет, то содержательный инвариант НКМ оформляется:

- в языковую оболочку того языка, на котором осуществляются приоритетные разработки в той или иной области знания;

- в языковую оболочку того национального языка, который является посредником при передаче научных знаний данному языковому коллективу, данному народу, не имеющему собственной научной школы в какой-либо области знания и испытывающему сильное культурное (и соответственно, языковое) влияние другого народа;

6) национально-языковое оформление НКМ может быть полным, фрагментарным и может отсутствовать вообще. Это зависит от нескольких факторов. Во-первых, когда и на каком языке осуществлялось первичное накопление знаний в данной области, на каком языке изначально формулировались базовые понятия. Во-вторых, это зависит от того, насколько интенсивно данная область знания в последующем разрабатывалась учеными, представляющими тот или иной языковой социум, сложилась ли на этом языке собственная научная школа, собственная научная традиция. Полная НКМ, оформленная на национальном языке, существует только в том случае, если носители этого языка ведут научные исследования по всему спектру научного знания.

На наш взгляд, есть необходимость акцентировать внимание на принципиальной нетождественности НКМ и ЯКМ национальных языков. НКМ в языковой оболочке любого национального языка, так же как и ЯКМ этого языка (в меньшей, разумеется, степени), дает пищу для размышления о национальном образе мышления, отражает менталитет нации.

Отнюдь не все исследователи согласны с идеей множественности ЯКМ, множественности «точек зрения» на мир, да и самим определением «языковая картина мира». Примером другой точки зрения может служить монография Г.В. Колшанского «Объективная картина мира в познании и языке» [11]. Автор заявляет, что «Язык ... не создает какой-либо картины мира» [11, с. 33]. И далее: «Единый мир должен... означать и единое его «воспроизведение», – национальная же картина мира разрушает, по существу, этот единый мир, так как каждый народ может видеть этот мир только через призму своего языка (разные миры). Но этот феномен не зарегистрирован в истории человечества, доказательством чему является логическое взаимопонимание народов и единая человеческая практика освоения единого мира [11, с. 76].

Однако, все «разоблачения» ЯКМ строятся на том, что она не может отражать общую для всего человеческого рода концептуальную картину мира, в связи с чем возникает вопрос: разве ЯКМ должна это делать? Следовало бы дифференцировать познание научное и познание первичное, языковое, донаучное. Эти два процесса различаются как по характеру субъекта деятельности (в первом случае это коллективный разум всех поколений людей, занимающихся профессионально познавательной, т.е. научной деятельностью, а во втором – это коллективное сознание отдельного этноса – носителя языка), так и по времени осуществления (научное познание непрерывно, его скорость все увеличивается, новое знание заменяет старое, процесс динамичен; языковое познание мира произошло давно, на этапе становления этноса и его языка, это слепок с сознания представителей этноса в эпоху его становления).

Роль объективной картины мира выполняет НКМ, которая действительно объективна, но она не имеет отношения к какому-либо языку. Научная картина мира – плод познавательной деятельности человечества, отражающей сегодняшнее знание общества о мире. Языковая картина мира, напротив, всегда субъективна, а во-вторых, фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка, т.е. на этапе первичного, наивного, донаучного познания мира. Из поколения в поколение дети, принадлежащие разным языковым сообществам, сначала познают мир специфическим языковым сознанием своего этноса (т.е. наивно, ненаучно, с «точки зрения» своего языка), а лишь затем, в процессе жизни, в той или иной мере познают фрагменты научного знания о мире, именно фрагменты, ибо целиком НКМ в своем сознании не может хранить ни один человек. Научная картина мира – это глобальная информационная кладовая научных знаний, а во-все не эталон, к которому должны стремиться ЯКМ всех языков. Язык, его лексика, конечно же, посто-

янно изменяются, но это изменение несколько иного рода: это естественная реакция на изменяющийся мир, на появление огромного числа новых реалий, но никак не попытка соответствовать объективному, научному знанию, т.е. изменения, происходящие в ЯКМ, – это не стремление к идентичности с НКМ, а отражение изменяющегося мира, появления новых реалий. В противном случае, каждый раз, когда какое-либо научное открытие в корне изменяло существующее научное представление о мире или его каких-то частях, должно было бы в корне меняться и отражение этого вновь понятого мира в обиходном языке, т.е. кардинальное изменение НКМ влекло бы аналогичное изменение ЯКМ. На самом же деле ЯКМ много инертнее НКМ.

Изменения в ЯКМ происходят не под сиюминутным влиянием нового научного знания, а под воздействием многих факторов, среди которых, естественно, есть и научные знания. На изменение ЯКМ влияют не столько новые знания о мире, сколько изменяющиеся условия повседневной жизни, появление новых реалий, требующих своей вербализации и тем самым включения в ЯКМ. Иногда новое знание не вносит корректив не только в ЯКМ, но даже в НКМ, что было бы естественно.

В повседневной жизни люди сознательно пользуются наивными понятиями. Объективные научные знания как бы «лежат под спудом», они имеются в виду, но не разрушают наивного миропостроения, сложившегося в период «языковлечения» донаучно познаваемого мира. Если бы это было не так, люди должны были бы начать говорить на языке науки, который пытается отражать мир действительно объективно. Не отражает, а именно пытается это делать, а линия развития науки периодически ломается, в результате чего возникает новая НКМ, во многом отличная от существовавшей до этого. Тем самым отрицается объективность всех прежних НКМ. Научные термины должны были бы вытеснить «наивные» слова-понятия. К счастью, никому не приходит в голову делать ЯКМ более научной и более объективной. Языковая картина мира меняется, но меняется несравненно медленнее, чем НКМ, ядро же ЯКМ остается практически неизменным.

Научная картина мира и языковая картина мира существуют параллельно, влияя друг на друга, но сохраняя свое принципиальное отличие, – они суть конструкты разных видов сознания разных социумов на разных исторических этапах, имеющие различные функции.

Научная картина мира создается, формируется и используется узким кругом людей – учеными; в нее по крупницам вносятся новые и новые элементы знания, она постоянно расширяется, совершенствуется, видоизменяется вместе с постижением научным сознанием миропорядка. Языковая картина мира, хотя и претерпевает определенные изменения, касающиеся ее периферийных областей, в целом же стабильна, и в этом ее суть и предназначение – сохранять и из поколения в поколение воспроизводить упрощенное, обиходное структурирование окружающего мира, обеспечивать преемственность языкового мышления носителей данного языка традиционными сложившимися категориями.

Когда мы говорим о познавательной роли языка, следует четко представлять, что имеется в виду познание не научное, а языковое, т.е. первичное, наивное. Овладевая языком, ребенок не познает мир концептуально, научно, а познает его на языковом уровне, т.е. на том уровне, на котором в донаучный период происходило формирование первичного, наивного представления о мире. Освоив ЯКМ, ребенок получил целостное наивное представление о мире, которое присуще всем носителям именно этого языка. Осмысление же мира научным сознанием (т.е. построение НКМ) не зачеркивает, не опровергает и не отрицает ЯКМ, а существует автономно и для других целей.

Эти исходные представления в целом не противоречат позже добытому знанию; напротив, они образуют тот фундамент, на котором постепенно воздвигаются стены более полного, глубокого и точного знания о мире.

Если НКМ отражает точное, логическое знание о мире, то ЯКМ отражает именно то самое целостное представление о мире, включающее и наивное первичное знание, и логическое осмысление мира, и знания, не поддающиеся логическому объяснению, и явные заблуждения.

Научная картина мира и языковая картина мира – принципиально отличные друг от друга построения. Общее у них лишь одно – объект отражения, т.е. реальный материальный мир. Но даже это утверждение требует уточнения: реальный материальный мир целиком покрывает весь план содержания НКМ, а в ЯКМ он составляет лишь часть плана содержания, поскольку языковое сознание порождает огромное количество мифических объектов и субъективных характеристик, не существующих в реальном мире.

Заключение. Отношения НКМ и ЯКМ национальных языков не следует рассматривать как стремление (или даже желательность) приведения ЯКМ в соответствие НКМ. Они суть порождения разных видов человеческого сознания: научного и обыденного. У них разные цели: ЯКМ более консервативна и не изменяется столь стремительно, как НКМ, а если и изменяется, то по совершенно иным причинам, нежели НКМ. План содержания НКМ ограничен объективным миром и за его рамки выйти не может. Языковая картина мира включает в себя не только мир объективный, но и все то, что существует только в человеческом сознании и нигде, кроме него (субъективные оценки, эстетические и нравственные категории, мифы в широком понимании).

Научная картина мира и языковая картина мира – отличные друг от друга конструкты и их взаимоотношения не предполагают стремления ЯКМ максимально соответствовать НКМ и развиваться по тем же законам. Научная картина мира – результат отражения пространственно-временного континуума (объективного мира) коллективным научным сознанием. Она постоянно совершенствуется (изменяется, детализируется, расширяется), стремясь стать тождественной отражаемому миру, но никогда не сможет достичь этого тождества. Ценность же языковой картины мира состоит в том, что она отражает спонтанное, целостное восприятие мира человеком, а не только его логическое знание о нем, как это делает научная картина мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
3. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.philosophy.ru/library/heideg/time-pict-world.html>. – Date of access: 20.02.2012.
4. Вайсгербер, Л. Язык и философия / Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 107 – 114.
5. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. – М.: «Гнозис», 1994. – Ч. 1. – 612 с.
6. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Издат. гр. «Прогресс – Универс», 1993. – 656 с.
7. Сукаленко, Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира / Н.И. Сукаленко. – Киев: Наукова думка, 1992. – 164 с.
8. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
9. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
10. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. «Языки русской культуры»: избр. тр. / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа, 1995. – Т. 2. – 767 с.
11. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
12. Яценко, Л.В. Картина мира как универсальное средство регуляции / Л.В. Яценко // Научная картина мира как компонент современного мировоззрения. – М., Обнинск, 1983. – С. 38 – 64.
13. Дышлевый, П.С. Научная картина мира и мир культуры / П.С. Дышлевский, Л.В. Яценко // Научная картина мира: Логико-гносеологический аспект. – Киев, 1983. – С. 5 – 37.

Поступила 15.06.2012

PROBLEM OF DIFFERENTIATION BETWEEN “LINGUISTIC” AND “SCIENTIFIC” WORLD-IMAGES

O. LIUBETSKAYA

The article deals with the notions of “linguistic” and “scientific” world-images. The history of appearance and development of the idea of the linguistic world-image is considered. Different approaches to the problem of definition and description of this notion are analyzed. So far there has been no unanimous opinion how the concept of the linguistic world-image should be treated. The linguistic “naïve” world-image is often opposed to the “scientific” world-image. The article gives a brief account of the main characteristics of the scientific world-image. The principal differences between these two notions are revealed, which allows to come to the conclusion that they represent essentially dissimilar constructs reflecting the real material world. The scientific world-image acts as the objective world-image, while the linguistic world-image is always subjective. These two concepts are interrelated, but they exist as parallel phenomena and do not tend to be congruous with each other.